

Когда я уже повернулся, чтобы последовать за Сыжанем, меня прямо-таки с размаху врезался неизвестно откуда выскочивший девчонка. Та упала на землю, потерла лоб, а ее смазливое личико исказилось от ярости.

Поспешно принеся извинения, я протянул руку, чтобы ухватить ее за локоть и поднять, но тут вспомнил, что между мужчиной и женщиной не должно быть телесного контакта, и в испуге разжал пальцы. Из-за моего движения девчонка снова шмякнулась на землю, и теперь гневом пылали даже ее зрачки.

Но как ни посмотри, эта девчонка выглядела странно: грудь — плоская, да еще и выделяющийся кадык...

Этот мерзавец оказался мужиком!

Я наклонился и запустил руку ему за пазуху, полностью игнорируя его пронзительные визги и потемневший взгляд Сыжана. Вытащив свой кошелек, я помахал им у него перед носом и, вполне ожидаемо, увидел, как его лицо из красного стало белым.

— Зачем мою серебряную монету стянул, уважаемый братец? — приподняв бровь, я с любопытством наблюдал, как в его глазах расплывается удивление.

Под тычки и шепотки зевая он резко вскочил, ткнул в меня пальцем, донельзя покраснел и с полминуты не мог выдавить из себя ни единого связного слова.

Наконец, задрав подбородок, он с изрядной долей высокомерия выдал:

— Чего ты понимаешь? Это называется — грабить богатых и помогать бедным!

Я насмешливо фыркнул:

— Благородные разбойники грабят коррумпированных чиновников, а не каждого встречного с монетой в кармане.

Он лишился дар речи, а когда я уже сделал шаг вперед, внезапно рухнул на колени:

— Большой брат, прими поклон младшего!

Я, еще не успев прийти в себя, громко кашлянул:

— А?

Этого парня звали Мужун Син. Говорили, что он был младшим сыном кого-то из влиятельных лиц при дворе, на вид ему было лет одиннадцать-двенадцать. С детства тоскуя по миру боевых искусств и смертельно устав от беззаботной жизни, он тайком сбежал из дома, нашел известного наставника и обучился искусству перевоплощения, а потом вознамерился стать благородным вором. И первой же его жертвой стал я.

В конце концов, после долгих и неотвязных уговоров Мужун Сина, Сыжань не выдержал и разрешил ему присоединиться к нашей компании.

Так что, сидя в постоялом дворе и слушая эти новости, я почернел лицом: я-то надеялся провести с Сыжанем немного беззаботных деньков, и того, что Фэн Инь увязался за нами хвостом, было уже с лихвой. Теперь же появление Мужун Сина разрушило последние крохи моего уединения.

День выдался на славу: погода стояла прекрасная, солнце светило вовсю, а на торговой улице было шумно и оживленно. Сыжань все еще спал, поэтому я на цыпочках спустился с кровати, оделся и выскочил из комнаты, надеясь раздобыть продолжение Сказания о Цзяньцине с Красных Клёнов — это точно порадовало бы Сыжана и позволило бы мне стать к нему еще ближе.

— Большой брат, с добрым утром!

Едва выйдя за порог, я столкнулся с Мужуном Сином. Улыбнувшись в ответ, я вышел из постоялого двора, позволив Мужун Сину хвостиком семенить позади — лишь бы не закатывал детских истерик и не докучал.

Добравшись до лавки, где продавали книги и свитки, я принялся рыться на полках. Мужун Син с любопытством вытянул шею:

— Большой брат, что ты ищешь? Младший поможет!

— Продолжение Сказания о Цзяньцине с Красных Клёнов, — ответил я, не поднимая головы. — Здесь нет, поищем в другом месте.

— Ого, а большой брат тоже любит такое почитать! — расплывшись в улыбке, Мужун Син запрыгал следом за мной.

И поистине, небеса не обманули моих надежд: пропоив всё утро, я наконец нашел нужную книгу. Счастливый до невозможности, я расплатился звонкой монетой и сунул книгу за пазуху, собираясь отнести ее на постоялый двор. Мужун Син тем временем прикупил какую-то другую книжонку, загадочно улыбаясь и обещая показать мне кое-что интересное, а по дороге к выходу с улицы еще и прихватил засахаренные фрукты на палочке.

Вернувшись на постоялый двор, мы обнаружили, что Сыжань все еще сидит в комнате Фэн Иня

и учит того играть в го. Я положил книгу на самое видное место у изголовья кровати, намереваясь сделать Сыжаню сюрприз. Как раз в этот момент мимо прошел Мужун Син с леденцом — видимо, хотел подразнить Фэн Иня. Мои догадки оправдались: не прошло и минуты, как Мужун Син проскользнул в комнату и, размахивая сахарной фигуркой, принялся умолять Фэн Иня признать в нем учителя и обучить маскировке. Глядя на Фэн Иня, который не сводил глаз с леденца и даже не моргал, я невольно усмехнулся, утянул за собой не менее веселого Сыжана и вернулся в нашу общую комнату.

— Ты чего? С чего такая спешка? — в его голосе звучало неподдельное удивление.

— Сейчас сделаю тебе один сюрприз, сам скоро все узнаешь, — улыбнувшись, я распахнул дверь, махнул рукой в сторону кровати и просиял еще сильнее: — Иди взгляни.

Я проследил взглядом, как Сыжань неторопливо, с налетом любопытства и предвкушения подошел к кровати, взял лежавшую там книгу и легко перевернул пару страниц.

Его тело вдруг забилося в мелкой дрожи, длинные пряди волос у виска закрыли опущенные ресницы, скрывая любые эмоции. Наверное, от избытка радости, решил я про себя.

Сыжань обернулся. В его руках все еще была та самая книга, взгляд сузился и стал темным, как звездное небо, а тонкие губы сжались в белесую нить.

— Бесстыдник! — он вдруг взмахнул рукой и швырнул в меня книгу, а следом прилетел и увесистый подзатыльник, от которого у меня зазвенело в ушах и всё поплыло перед глазами.

Что за черт?!

Наклонившись, я поднял с пола злосчастную книгу, раскрыл ее раз, другой... и в тот же миг залился краской от макушки до пят. Да это же... это же вовсе не продолжение Сказания о Цзяньцине! Здесь... да тут два мужика предавались утехам, это же чистой воды...

Тут я вспомнил таинственный вид Мужун Сина и его намеки про какую-то «хорошую вещь». Вся картина разом сложилась в голове, и меня окатила волна ярости. Ах ты ж паразит этот Мужун Син!

Бросив книгу на пол, я выбежал из комнаты вслед за Сыжанем. Тот как раз скрылся за своей дверью, и я уже собирался вломиться следом, как раздался глухой звук удара — мой лоб со страшной силой врезался в дверной косяк. Я завыл на всю округу, потирая распухающую шишку.

— Сыжань, выслушай меня! Сыжань, я вовсе не собирался подсовывать тебе эту книгу! То есть нет, я ее вообще не покупал! Сыжань, открой же дверь...

Я прокричал у закрытой двери целый день. Все пробежавшие мимо слуги и постояльцы смотрели на меня странными глазами, а некоторые даже с сочувствием — мол, поссорились молодые, к вечеру помирятся. От этих взглядов у меня дергался глаз, я лишь натянуто усмехался.

Тем не менее, Сыжань так и не открыл дверь и не проронил ни звука. Даже глубокой ночью он не вернулся спать в нашу комнату. Озверев окончательно, я выбил ногой дверь в комнату Мужун Сина и отходил его по первое число, и лишь после этого на душе у меня немного полегчало.

На следующий день, расплатившись за постоялый двор, я с виноватой улыбкой семенил следом за Сыжанем, не отходя от него ни на шаг. Сыжань же упорно делал вид, будто меня не существует в природе. Мужун Син, наложив плотный слой грима, чтобы скрыть вчерашние синяки под маской непоколебимого хладнокровия, размахивал леденцом на палочке и продолжал докучать Фэн Иню, выпрашивая у того ученика.

В каком-то небольшом уездном городке Сыжань, заметив толпу бегущих куда-то людей и заинтригованный происходящим, перегородил дорогу первому встречному:

— Уважаемый братец, куда вы все так спешите? Что-то случилось?

— Этот... кхе, барышня, вы, должно быть, приезжая? Я сразу вижу — переодетая в мужское платье девица! Вы что, еще не в курсе? Сегодня же у нашего уездного судьи Чена великий день — его дочь с высокой башни будет бросать вышитый шарф, выбирая себе мужа! Мало того, что этот господин Чен богат и влиятелен, так дочка его — настоящая небесная фея! Если удастся поймать шарф, и богатство, и красавица твои на всю жизнь, выгода двойная! Кто же от такого откажется? — выпалил прохожий с маслянистой улыбочкой, после чего рванул с места в карьер ловить этот злосчастный шарф, полностью проигнорировав то, как потемнело лицо Сыжана при словах о переодетой девице.

Я стоял рядом, с трудом сдерживая смех — плечи ходили ходуном. Фэн Инь дернул меня за рукав, в его глазах читалось беспокойство:

— Цзыцин, с тобой всё в порядке?

Поймав на себе тяжелый взгляд обернувшегося Сыжана, я сухо кашлянул, почесал затылок и отвел глаза:

— Какая нынче погода хорошая, ха-ха...

— Большой брат, сейчас вообще-то пасмурно... — озадаченно протянул Мужун Син. — Какая

еще хорошая погода?

Под презрительное фыркание Сыжання я сжал зубы и злобно зыркнул на мальчишку:

— Никто тебя за язык не тянет, за умного сойдешь!

Мое внушение возымело действие, и Мужун Син благоразумно захлопнул рот. Переведя взгляд на Фэн Иня, я напустил на себя суровый, чинный вид:

— Племянник, зови меня дядей! Дядей, усек? Что за манеры — обращаться к старшему родственнику по имени!

— Дядя, — приподнял бровь Сыжань, и из его уст вылетел этот нежный, утонченный голос.

У меня одеревенела спина. Я боязливо покосился на всё еще сердитого Сыжання, а затем медленно повернулся к Фэн Иню со скорбным выражением лица.

— На самом деле... это всего лишь обращение, неважно. Можешь звать меня по имени...

— Цзыцин, — уголки губ Фэн Иня изогнулись в улыбке, и имя слетело с его языка так непринужденно, будто само собой разумеющееся. Я зарубил этот урок на будущее: никогда, ни при каких обстоятельствах не издеваться над Фэн Инем, пока Сыжань зол.

— Бросание вышитого шара в поисках мужа... звучит довольно забавно, — задумчиво произнес Сыжань, и в его голосе прозвучал живой интерес.

— Тогда, может, пойдем взглянем, Сыжань? В конце концов, до Состязания боевых искусств еще есть время, — тут же предложил я, радуясь возможности сбросить с себя сковавшее меня неловкое напряжение. Мужун Син громко поддержал идею, да и в глазах Фэн Иня вспыхнуло любопытство.

Мгновение спустя тонкие губы Сыжання тронула улыбка, он чуть кивнул в знак согласия, и вскоре мы вчетвером — я, Сыжань, Фэн Инь и Мужун Син — двинулись вслед за толпой к расписной башне, возведенной перед поместьем семьи Чен.

Казалось, сюда сбежались все жители уезда, а то и соседи из близлежащих селений. Настоящее море людей! Толкучка была такая, что на лбу от напряжения дергались вены, и так и подмывало отпинать всех, кто прижимался ко мне бок о бок. И лишь Сыжань стоял в стороне, чуть улыбаясь и наблюдая за происходящим, словно отрешенный от мирской суеты зритель, не злясь и не выказывая неудовольствия.

Под дружный рев толпы на помост неторопливо вышла девушка в ярко-красных свадебных одеждах, сжимая в руках тот самый шарф. Заметив толпу внизу, она смущенно прикрыла лицо рукавом и спряталась за спину стоявшей рядом пожилой женщины. Толпа внизу разразилась новыми шуточками и улюлюканьем, и лишь спустя добрую половину палочки благовоний

девица снова решилась выйти вперед. Воздев шарф к небесам и зажмурившись, она швырнула его наугад в толпу.

Я наконец смог разглядеть ее лицо — и тут же мысленно чертыхнулся: ну какая к черту неземная красавица, какое лицо, способное разрушить царство! Чистой воды надувательство: те же две брови, пара глаз, нос да рот, а вместе сложенные — самые обыкновенные, каких сотни!

В подметки не годится моему Сыжаню!

— Сыжань, тут не на что смотреть, пойдем отсюда, — сказал я, теряя всякий интерес.

Сыжань кивнул, но едва мы повернулись, как в меня полетело что-то круглое. Не успев толком сообразить, я рефлекторно взмахнул рукой, отбивая предмет, и небрежно отбросил его назад... и лишь спустя секунду до меня дошло, что Сыжань-то стоял прямо у меня за спиной!

Тихий стон, всеобщий вздох разочарования в толпе — и я остолбенел, вытаращив глаза. Швырнутой мной штуковиной оказался тот самый вышитый шарф, и сейчас Сыжань, стоявший прямо передо мной, сжимал его в руке, прижав другую к груди...

Это... бросание шарфа... шарф... поиск мужа...

— Сыжань, ты... я... что же теперь делать?! — меня охватила паника, слова путались, и я выдал лишь эту бессвязную околесицу.

Сыжань, не раздумывая ни секунды, швырнул шарф оземь и выгнул бровь:

— Что делать? В каком смысле?

— Ну... э... этот... шарф. Ты же поймал его, как быть-то?

— Это ты его отбросил, — помолчал он, хмурясь. — Я вовсе не собирался его ловить. Пойдем.

Но стоило ему сделать шаг, как дорогу нам преградили слуги семьи Чен:

— Уважаемый молодой господин, хозяин изволит просить вас.

Хотя тон был вежливым, в позах сквозила непреклонность, о чем красноречиво свидетельствовали наглухо перекрытые выходы из поместья.

— Не пойду. Уступите дорогу, — едва разлепив губы, ледяным тоном процедил Сыжань.

Едва я подался вперед, чтобы встать рядом, как прямо в лицо Сыжаню уставился сверкающий клинок. Одета в розовое платье девица с мрачным лицом процедила:

— Раз поймал шарф, так почему сбегаешь? Или думаешь отделаться и прослыть бессовестным обманщиком?!

— Вы ошибаетесь, барышня, я не ловил этот шарф нарочно. К тому же мы с вашей госпожой даже не знакомы, о каком обманщике речь? — уголки губ Сыжаня тронула усмешка. — К тому же у меня уже есть тот, кто дорог моему сердцу, и если бы я женился на вашей барышне, разве это не было бы изменой ему?

Девица с мечом на мгновение замерла. Немного подумав, она, судя по всему, сочла доводы Сыжаня разумными, долго всматривалась в него своими миндалевидными глазами, как вдруг ее лицо исказилось от дикой злобы:

— Так это ты... Фэн Сыжань!

Вспыхнула ослепительно-белая искра, клинок вылетел из ножен, сверкнув ледяным блеском. Праздные зеваки мгновенно разбежались во все стороны испуганными птицами, боясь попасть под горячую руку. Я в панике протиснулся вперед, заслоняя собой Сыжаня:

— Послушайте, барышня, давайте обойдемся без оружия, чуть что — сразу махать мечом, знаете ли, не слишком вежливо!

— Хм, думаешь, он мне нужен для свадьбы? Из-за него я потеряла всякую свободу! Я специально притащилась в Государство Цзин только ради того, чтобы вырезать его сердце и утолить ненависть! Жить хочешь — убирайся с дороги! — она сверлила яростным взглядом Сыжаня, стоявшего за моей спиной, казалось, из ее глаз вот-вот брызнет огонь.

— Тц, да кому сдалась твоя свадьба, нас самих сюда силой приволокли! К тому же Сыжань русским языком сказал, что его сердце уже занято, ты что, оглохла?! — во мне вскипела беспричинная злость, и я рявкнул так громко, что девица то бледнела, то чернела лицом, меняясь в цвете почище хамелеона.

— Цзыцин... — Сыжань смотрел на меня, не договорив слова. Решив, что он испугался, я обернулся, ободряюще улыбнулся и бросил: «Пустяки, я разберусь».

— Раз так, пеняй на себя! — холодно бросила она и бросилась в атаку. Я насмешливо фыркнул, отразил пару ее ударов и в мгновение ока занес собственный клинок к ее горлу.

— Старший брат Сыжань! — Мужун Син вцепился в рукав Фэн Иня, широко распахнув глаза от ужаса и со страхом глядя мне за спину. Я вздрогнул, резко обернулся, и зрачки непроизвольно сузились.

Какой-то переодетый слугой амбал держал меч у самой шеи Сыжаня, угрожающе пропищав

женским голосом:

— А ну брось оружие, не то этот меч лишен жалости!

Выглядело нелепо, но угроза сработала безотказно.

Мысленно чертыхнувшись за подлость, я помрачнел:

— Отпусти Сыжана, и я отпущу твою госпожу.

За пределами иллюзии медленно вился дымок от курильницы, пробирая холодом до костей.

— Учитель, нельзя! Если вы это сделаете, вы же погибнете!

Она не могла поверить своим глазам. Учитель, всегда столь безмятежный ко всем мирским делам, смотревший на всё с легкой улыбкой и относившийся к ней с такой нежностью, собирался пожертвовать собственной жизнью ради какого-то мужчины, наплевав и на себя, и на нее!

— Уйди, не мешай ему отдыхать.

Он приоткрыл губы, сидя у изголовья кровати, но взгляд его, полный невыразимой нежности, был обращен вовсе не к ней.

— Учитель, почему... почему вы любите того, кто равнодушен к вам? Я же люблю вас! В сердце Цин Лянь есть только учитель, никого больше! Зачем его спасать, он же не стоит ваших жертв! Опомнитесь, учитель, только я достойна быть рядом с вами!

Ее глаза застилала слезы, она вперила злой, полный обиды взгляд в лежащего без чувств человека, желая разорвать его на куски.

— Дерзко! Вон отсюда.

Слово, брошенное с холодным раздражением, заставило ее слезы пролиться потоком. Она выбежала из комнаты, с грохотом хлопнув дверью.

Вскоре в комнате воцарилась тишина. Нити белого дыма струились по воздуху, лицо становилось всё бледнее, а в глазах плескалась непостижимая тоска. Он осторожно поднял его руку, прижался щекой к ладони и тронул губы той самой изысканной, привычной ему улыбкой — пусть с горьким привкусом, но переполненной чувством глубокого удовлетворения.

Раз уж сердце стремится туда, раз уж в нем живет любовь — разве можно отрезать её, закрыть глаза на всё?

К тому же...

Я ни о чем не жалею.

Прикрытые глаза шептали об отсутствии сожалений. Еще с той самой первой встречи, когда их взгляды пересеклись, он знал: в сердце этого человека всегда будет лишь один Фэн Сыжань, и места для других там нет. Но сам он уже безвозвратно увяз в этом омуте — без сожалений и обид.

— Пора бы уже очнуться. Зачем цепляться за прошлое? — распущенные по плечам темные пряди падали на лицо, скрывая взгляд. Он легко прислонился к его груди, и улыбка его была столь горькой и растерянной: — Кто из нас глупец, а кто безумец...

Глаза закрылись, благовонный дым стал еще гуще.

Мы продолжали стоять в этом странном оцепенении: я удерживал служанку, а та — Сыжаня. Никто не решался сделать движение первым, боясь, что заложники на противоположной стороне пострадают.

Проклятье, как же я мог потерять бдительность!

— Ван, неужели ты до сих пор не можешь отпустить прошлое? — человек, шагнувший навстречу, был облачен в белые одежды, волочившиеся по земле. Брови его напоминали далекие горные хребты, волосы синевой отливали чернилами, а с анимированных губ срывался чистый, мелодичный голос. Совсем как у...

— Ты еще кто такой? — нахмурился я. Лицом он смахивал на Сыжаня, но был выше ростом... Пойдите-ка, он ведь даже выше меня! К тому же сам Сыжань стоял прямо передо мной.

— Гу Цинхэн, — представился он.

Гу Цинхэн... Цинхэн, до боли знакомое имя, но я в упор его не знал.

Мужчина, назвавшийся Гу Цинхэном, слегка нахмурил брови, прижал руку к груди, будто сиюсь сдержать какую-то боль, а затем резко схватил меня за руку. Я попытался вырваться, но как ни старался, не смог сдвинуться с места и был вынужден подчиниться, пока он вытаскивал меня... из моего собственного тела?! Что здесь творится...

Я оглянулся на Сыжания и остальных: казалось, они совершенно не замечали этого внезапно появившегося человека. Или же для них меня самого больше не существовало — остался лишь тот сжавший меч хмурый юноша.

— Ван, прошлое ушло, старых дней не вернуть, к чему так упорствовать? — произнес Цинхэн с интонацией наставника, отчитывающего нерадивого ребенка, отчего мне сделалось невыносимо тошно.

— Хватит! — оборвал я его на полуслове, нахмурившись и выплевывая накопившееся раздражение: — Гу Цинхэн, кем ты мне приходишься? С каких пор у тебя появилось право читать мне мораль?!

Окружающий мир продолжал жить своей жизнью. Он чуть разомкнул губы, но в итоге лишь опустил взгляд, лишенный слов.

— Ах да, ты же Гу Цинхэн, будущий муж Цин Лянь... До твоих дел мне нет никакого дела, так какого черта ты суешься в мои! Все эти ваши разговоры про «прошлое ушло» и «старые дни не вернуть», всю эту вашу мораль и правила можете засунуть куда подальше! Ну и пусть я упрямец — я всего лишь хочу снова увидеть Сыжания... Пусть даже это иллюзия, мне плевать! Я хочу видеть его каждый день, просто смотреть на него... Разве я в чем-то виноват?! — мой голос сорвался на крик, выплескивая наружу годами подавляемую тоску. — Зато из-за тебя я едва не забыл человека, которого не должен был забывать никогда в жизни!

— Цзыцин... — он закусил губу, собираясь что-то сказать, но не решился, и лишь спустя долгое время вымолвил: — Император приказал мне во что бы то ни стало вывести вас из иллюзии. Прошу вас, ван, следуйте за мной, не усложняйте мне жизнь.

— Всё такой же упрямый, ничуть не изменился... — глядя на него, я почувствовал, как уходит излишняя горячность. Бросив прощальный взгляд на спасенного Сыжания, я тяжело вздохнул. — Я, Фэн Цзыцин, за всю жизнь никого ни о чем не просил. Считаю, что я умоляю тебя — позволь мне остаться, а?

— Нет.

Без малейших колебаний последовал суровый ответ.

Не успело эхо затихнуть, как мое лицо помрачнело. Раз уговоры не действуют, придется применять силу. Я уже собирался поломать наложенные чары, как Цинхэн вмиг сковал мое тело заклинанием, лишив возможности не только двигаться, но и произнести хоть звук. Задыхаясь от гнева, я яростно уставился на него — губы немели, мышцы не слушались, оставалось лишь безвольно позволить ему вытащить меня из иллюзорного мира. Я со слезами на глазах всматривался в тот удаляющийся силуэт в светлых одеждах с неизменной мягкой улыбкой, пока он окончательно не растворился в пелене.

Сыжань...

Стоило мне распахнуть глаза, как перед взором предстал белоснежный полог балдахина, резные алые рамы деревянных окон, а в воздухе клубился едва уловимый дымок мирры. Я потер гудящую тяжелую голову и попытался приподняться, но тут же почувствовал странную тяжесть в груди. Скосив глаза, я обомлел: на моей груди, сладко посапывая, спал Цинхэн. Мое старое лицо невольно залилось краской, а в голове закружился рой самых безумных мыслей.

Цинхэн лежал, пристроившись щекой на моей груди и крепко сжимая мою руку, на его губах застыла безмятежная, счастливая улыбка. Однако такая поза доставляла мне немало мучений — встать было нельзя, чтобы не потревожить его сон, и мне оставалось лишь терпеливо ждать. Незаметно для себя я залюбовался его лицом, чувствуя, как в глубине души скребется смутное ощущение, будто я забыл что-то важное, то, забывать о чем было никак нельзя.

<http://bllate.org/book/21938/2279245>